

Культура. — 1994. — 21 мая. — С. 9.

Златовласая королева

...С юных лет я был страстным поклонником вокального искусства и, возможно, если бы не сорвал голос, стал бы певцом, а не пианистом. Но... не судьба! Оставалось только слушать и наслаждаться. Приехав в Москву, все оперные спектакли посещал исправно и непременно старался попасть на премьеры Большого театра. Знал всех артистов, а самых любимых готов был слушать по сто раз в одной и той же партии!

Едва ли не самое сильное впечатление произвела тогда на меня Бронислава Яковлевна Златогорова. Своеобразный красочный голос огромного диапазона — от «глубоких» контральтовых до высоких сопрановых нот. А добавок к этому — еще и замечательное дарование драматической актрисы.

По сей день великолепно помню ее пылкого Ратмира в «Руслане». Прошло много лет, а слух бережно хранит чудесный «дуэт» голосов — грудно-

го, «виолончельного» тембра контральто и звенящего «английского рожка». Как она передавала внезапные перепады чувств, тончайшие оттенки настроений! И я сидел, не в силах пошевелиться, будто замороженный. Да что там я! Она и дирижера могла заморозить. Вот послушайте-ка, что вам расскажет сама Бронислава Яковлевна:

— Однажды на репетиции «Руслана» Александр Шамилевич Мелик-Пашаев вдруг остановился, грозно взглянул на меня и сказал: «Бронечка, вы не на шутку мешаете мне дирижировать!» Я опешила: как так, чем? «Да ведь я хоть изредка должен заглядывать в партитуру. А вы в Садах Наины так искусно расправляетесь с юными девами, что я не в силах глаз отвести от сцены!»

Да, отвести глаза от нее, хоть на минуточку отвлечься от ее пения, игры не было возможности — она словно околдовывала тебя. «Чудесный Ваш

голос я знал и раньше. Но тут я наслаждался крепкою цельностью созданного Вами образом... Передо мною был подобранный, гибкий и сильный боец, который, чувствовалось, сумеет пустить в дело копье и кривую свою саблю... А Ваше постоянно меняющееся выражение лица — угрюмое в первом акте, страстное в следующем, просветленное в конце... И сладострастная истома, которую Ваш голос звучит в замке Наины. И просто странно подумать — да неужели это та самая, женственная, очаровательная Ольга, которую я видел в прошлом году», — так оценил Ратмира Златогорова Викентий Вересаев.

Потрясающим, без преувеличения, сказочным было ее мастерство перевоплощения, даже, я бы сказал, преображения. Графиню в «Пиковой даме» Бронислава Яковлевна впервые спела в двадцать три года! И ни тени шаржа, никакого утрирования, никакой «игры в дряхлость» — казалось,

то было само естество. Графиня Златогорова несла в себе роковое начало и одновременно была жертвой роковых обстоятельств, как Германн и Лиза.

Сцену в спальне певица проводила с удивительной психологической достоверностью. Артистке очень хотелось, чтобы зритель вместе с ней пожалел об утраченной молодости Графини. Фраза «Чего вы тут стоите? Вон ступайте!» звучала брезгливо и смущенно — ведь приживалки невольно подслушали и подсмотрели сокровенное... А знаменитую песенку Гретри можно отнести к высшим образцам исполнительского искусства, особенно финал ее, когда звучание голоса «уходило» на три пиано и замирало до нереальности. Появление Германна пробуждало Графиню от грез, но ни на миг артистка не превращалась в патологически трепещущую от ужаса старуху, — не страх, а злая воля ошущалась во всей ее повадке.

Я с захватывающим интересом слушал рассказ Брониславы Яковлевны о том, как задолго до поднятия занавеса начинала она готовить себя к этой роли. Настраивалась на «брюзжание», сама гримировалась. В артистическую никто не смел входить, ибо там происходило «перерождение» — таинство почти фантастическое.

— По мере того, как в зеркале, словно на пленке, проявлялось лицо моей Графини, я постепенно забывала обо всем, кроме этой зловещей старухи. Впрочем, так было с каждой ролью. Я ко всем спектаклям готовилась, как к священной обязанности. Театр был в моей жизни на первом плане — я «сгорала» в театре.

Сколько было этих ролей, и сколько раз она «сгорала»! Можно перечислять и перечислять образы, созданные ею за те годы, что она была в труппе Большого театра: озорной, лучезарный Лель в сказочной «Снегурочке» и скорбная Любава («Царская невеста»), чув-

ственно-томная Кончаковна («Игорь») и фанатичная цыганка Азучена («Трубадур»), вызывающе экстравагантная Кармен и пронизанная светом юности, шаловливо-кокетливая Ольга («Онегин»). Все они встают в памяти, как живые.

Ее камерные программы тоже невозможно забыть. Когда она, златовласая наша королева, выходила на эстраду, дух захватывало от восхищения. Какая величавость и в то же время непринужденность! Оперная певица и актриса шалашинского плана, Златогорова на концертах совершенно преображалась. Ни одного лишнего жеста, «строгость» позы — все «нюансы» только музыкальные. Удивительное владение словом, тембровое многообразие голоса способствовали психологической утонченности «толкования» романсов Чайковского, Рахманинова, песен Мусоргского.

...В возрасте 47 лет, в расцвете таланта, сил и полностью сох-

ранив свой вокальный дар, Бронислава Яковлевна на удивление всем — и коллегам, и друзьям, и многочисленным поклонникам — вдруг покинула сцену, перестала «концертировать». Остается тайной, почему она решила на это... Мне всегда очень хотелось проникнуть в эту тайну, но сколько мы ни беседовали и ни беседуем по сей день, она не дает даже приблизиться к этой теме. Ни мне и никому другому.

К счастью, записано пять опер с ее участием — «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Садко» и «Алеко». Она еще может радовать всех нас своим неповторимым голосом, только бы почаще наше радиовещание обращалось к этому богатству...

Недавно тихий дом Брониславы Яковлевны Златогоровой, как всегда в день ее рождения, зашумел, расцвел множеством пышных букетов. Друзья и благодарные почитатели от души поздравляли ее. Кланяться ей и я, неизменный, преданный поклонник ее таланта.

Олег БОШНЯКОВИЧ.

● Три lika Златогоровой.